

Гурьева А. А.

(Санкт-Петербургский государственный университет, Россия)

ЛИТЕРАТУРНАЯ ТРАДИЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ КОНТЕКСТЕ: «ПЕРСИКОВЫЙ ИСТОЧНИК» И «ПУТЕШЕСТВИЕ ВО СНЕ» В ЮЖНОКОРЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Аннотация: Статья посвящена современной репрезентации двух классических сюжетов: «Персиковый источник» и «Путешествие во сне». Они пришли в корейскую литературу из китайской традиции и получили самостоятельное развитие. В статье выявлены и проанализированы случаи обращения к этим моделям в южнокорейской поэзии и прозе. Рассмотрение текстов показало, что Персиковый источник как социальная утопия встречается как в ироническом контексте, так и в качестве оппозиции к суете городской жизни, однако центральной становится идея тщетного поиска идеала, который в результате оказывается ложным, иллюзорным. «Перевернутая» модель путешествия во сне была исследована А. Ф. Тротевич на примере произведения с элементами экзистенциализма — рассказа Ким Сынока «Поездка в Мучжин. Путевые записи». В тексте произведено сравнение с другим произведением, в котором герой утрачивает возможность пробудиться ото сна после осознания своих заблуждений. Для рассмотрения особенностей трансформации традиционных сюжетных моделей в статье рассматриваются произведения таких южнокорейских авторов, как Чхве Инхо, Чон Хёнчжон, Ким Сынок, Ха Ильчжи и др.

Ключевые слова: современная корейская литература, корейская литературная традиция, *Персиковый источник*, *Путешествие во сне*, сюжетные модели.

Guryeva Anastasia

(St. Petersburg State University, Russia)

LITERARY TRADITION IN CONTEMPORARY CONTEXT: PEACH BLOSSOM SPRING AND DREAM JOURNEY IN SOUTH KOREAN LITERATURE

Abstract: The paper deals with contemporary representations of two classical plot models: *Peach Blossom Spring* (武陵桃源) and *Dream Journey* (夢遊錄) originated in Chinese literature tradition and were peculiarly developed in pre-modern Korean literature. The paper discusses their representations in South Korean poetry and prose. The analysis shows, that *Peach Blossom Spring* as a social utopia enters Korean literature both in an ironical context and as an opposition to the city life preoccupied with everyday vanity. The majority cases is when it serves the base for contemporary stories of an ideal place quest with the protagonist realizing the false character of the ideal. The case of the reversed usage of the *Dream Journey* plot in the existential story *The Journey to Mujun* by Kim Seung-ok has been analysed by the A. F. Trotsevich. The paper will render another case with a lost opportunity to wake up after the realization of mistakes. The paper bases on the works of widely known South Korean writers/poets as Choe In-ho, Jeong Hyon-jong, Ha Il-ji and others making the conclusion on the main transformational trends in the plot models.

Keywords: contemporary Korean literature, Korean literary tradition, *Peach Blossom Spring*, *Dream Journey*, plot models.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2023

Одной из составляющих развития современной корейской литературы является использование элементов корейской и общей дальневосточной/восточноазиатской литературной традиции. Среди большого их множества можно выделить следующие группы: 1) сюжеты и их элементы; 2) символы, метафоры, аллюзии; 3) особенности структуры, пространственно-временные и иные модели; 4) общие особенности миропонимания, модели мировосприятия (см. подробнее: [1]).

Литературная традиция как часть той или иной культуры оказывает влияние на формирование картины мира носителей этой культуры. Соответственно, обращение к таким элементам может быть подсознательным, являться результатом воспроизведения автором индивидуального мировосприятия, в котором проявляются и общекультурные черты.

В статье будут рассматриваться два примера, которые используются авторами осознанно. Это современная репрезентация двух классических сюжетов: «Персиковый источник» (*тохвавонги*, 桃花源記) и «Путешествие во сне» (*монюрок*, 夢遊錄). Оба сюжета пришли в корейскую литературу из китайской традиции и получили самостоятельное развитие в корейской литературе. Цель статьи заключается в том, чтобы определить тенденции в обращении к этим сюжетам в современной южнокорейской литературе в сопоставлении с традиционной литературой. Более подробно анализируются случаи использования этих сюжетов в качестве модели построения сюжета современного произведения¹.

1. ПЕРСИКОВЫЙ ИСТОЧНИК

Сюжет о Персиковом источнике — первой социальной утопии — принадлежит кисти древнекитайского поэта Тао Юаньмина (陶淵明, 365–427). Это известное повествование о рыбаке из местечка Улин (武陵), который случайно обнаружил идеальное сообщество людей, живущих возделыванием земли, но впоследствии дорогу к ним найти никто не смог.

Аллюзии на произведение Тао Юаньмина встречаются в корейской литературе разных эпох и жанров. Один из наиболее известных примеров — эссе² ведущего поэта эпохи Корё (918–1392) Ли Илло (이인로, 1152–1220) «Горы Чирисан. Долина журавлей» (*Чирисан чхонхактонги*, 智異山 靑鶴洞記). Лирический герой произведения полагает, что в Корее существует свой «Персиковый источник» — «Долина журавлей в горах Чирисан», однако поиски ее успехом не увенчались (см. подробнее: [2, с. 72]). В поэзии на родном языке эпохи Чосон (1392–1897) нередко встречаются мотивы близости Персикового источника — литературного намека на идеальность пространства, восплаемого в стихотворении. Например:

¹ Все упоминающиеся в статье произведения прозы, кроме произведений Чхве Инхо «Глубокая синяя ночь» и «Дыра» и романа Ха Ильчжи «Республика Ужупис», опубликованы в переводе на русский язык. Ограничения в объеме работы не позволяют указать выходные данные в каждом конкретном случае.

² Произведение написано в жанре *супхиль* (隨筆, «следую за кистью»).

У горы Сисайшань реет в воздухе белая цапля,
 Набирает вес окунь, цвет персика кружит в потоке,
 Изумрудный бамбук — головной мне убор, и мне ива — накидка,
 Но тут ветер и дождь преградили дорогу, назад пути нет.
 И мне жаль, что не делит со мной этой жизни
 Чжан Чжи-хэ, знаменитый рыбак и отшельник-поэт
 (пер. А. А. Гурьевой) [3, с. 59].

В одном из стихотворений на корейском языке — *чапка* (кор. 잡가, «Малая песнь о Чхунхян», яп. *Со Чхунхян-га*, 小春香歌) можно усмотреть двойную аллюзию, связанную с этим сюжетом. В тексте неизвестный автор вводит пространственную ассоциацию между деревом ивы и Тао Юаньмином, посадившим возле своего дома пять ивовых деревьев: среди объектов пространства, по которым можно найти дом девушки Чхунхян, упоминаются пять ив, и сказано, что их посадил Учитель Долины журавлей (*Хактон сонсэн* 학동선생). Возможно, здесь сыграло свою роль и то, что события истории о Чхунхян происходят в городе Намвоне близ гор Чирисан, в которых Ли Илло искал корейское идеальное пространство [4].

В южнокорейской литературе традиционное значение «Персикового источника» сохраняется, однако обыгрывается в новых контекстах.

Характерным примером является рассказ писательницы Пак Вансо (박완서, 1931–2011) «Дети райской земли» (*Нактховый аидыль*, 낙토의 아이들, 1978), где отсылка к «Персиковому источнику» служит горькой иронии. Так, метафорическое название района — Мурын (корейское чтение иероглифов, обозначающих Улин, 武陵) — указывает на фешенебельность места, однако оно же оттеняет то, с каким презрением его обитатели воспринимают людей, живущих более скромно (подробный анализ рассказа см.: [5]).

В другом примере, произведении Ли Чхончжуна (이청준, 1939–2008) «Песни Западного края» (*Сопхёнчже*, 서편제, 1976), связь с «Персиковым источником» еще более сложна. Место, в котором происходит действие второй части повести, называется Долиной журавля (*Сонхактон*, 선학동), что практически совпадает с названием идеального пространства в эссе Ли Илло (*Чхонхактон*, 청학동). Символика названия многогранна, но в контексте рассматриваемой в статье темы важно обратить внимание на то, как в сюжетной линии раскрывается мотив невозможности найти объект стремления. Так, главного героя в это место привели воспоминания о детстве, проведенном с отчимом и с любимой им сводной сестрой, с которой они давно были разлучены. Однако вместо прекрасного водного пространства с прославленным отражением гор, создающим образ журавля, главный герой обнаруживает осушенные земли и переживает несостоявшуюся встречу.

Можно сказать, что тщетный поиск некоего идеала становится моделью, которая ложится в основу этой части произведения, что позволяет произвести сопоставление с произведением Тао Юаньмина. При этом в случае с повестью «Песни Западного края» можно говорить о противопоставлении реального на-

стоящего и образа прошлого, ушедшего навсегда и потому недостижимого. Отметим, что две части повести экранизированы ведущим южнокорейским режиссером Им Гвонтакэом (임권택, род. 1934), и в экранизации второй части под названием «Тысячелетний журавль» (Чхоннёнхак, 청년학) режиссер делает акцент на контрасте между настоящим и прошлым, показывая, как в воображении героя пространство вновь наполняется водой³.

Еще одним произведением, в котором можно обнаружить схожую сюжетную модель, является рассказ Чхве Инхо (최인호, 1945–2013) «Глубокая синяя ночь» (*Кипко пхурын нам, 깊고 푸른 밤*). Два героя путешествуют по Соединенным Штатам Америки, куда планируют эмигрировать. Лучшим для жизни местом им представляется Лос-Анджелес (как известно, там существует корейская община), однако парадоксальным образом они никак не могут найти дорогу до города, постоянно сбиваясь с пути. В конце повествования герои глубокой ночью оказываются на берегу океана, где приходят к решению вернуться домой. Подобно герою произведения Тао Юань-мина, герои рассказа Чхве Инхо тщетно ищут идеальное пространство, однако в итоге им открывается иллюзорность этого идеала. Осознание ошибочности стремлений происходит в неслучайной обстановке — в литературной традиции Восточной Азии важнейшую роль играет лунная ночь. В корейской литературе это сакрализованное время часто выступает в паре с элементом ритуального пространства — берегом воды [6]. Здесь эти элементы соединились.

Примеры обращения к сюжетной модели, восходящей к «Персиковому источнику», можно найти и в литературе XXI в. Роман Ха Ильджи (하일지, род. 1955) «Республика Ужупис» (*Учжупхисы конхвагук, 우주피스 공화국*) повествует о герое, который приезжает в Вильнюс, где прошло его раннее детство. Причиной его визита становится необходимость забрать прах отца, некогда находившегося в Литве на дипломатической службе, но для героя важно также найти Ужупис, который представляется ему особым местом⁴. Поиски не приносят успеха: Ужупис совсем рядом, но остается недостижимым, что приводит героя к отчаянию [7]. Это произведение о поиске самого себя базируется на модели тщетного стремления к идеальному пространству, но с дополнительными деталями, свойственными рассмотренным выше произведениям. Это, в первую очередь, идея ошибочного выбора идеала, его иллюзорности.

Тем самым в основе сюжета в приведенных примерах находится идея безрезультатного поиска некоего идеального места/общества. Однако, в отличие от

³ Исследованием этого киновоплощения занималась профессор Стокгольмского университета Соня Хойслер, которая обратила наше внимание на значимость данной сцены в фильме.

⁴ Краткий анализ произведения был изложен в докладе Ким Сонсу «The imagination of Korean Literature and the Possibility of Literature Education on the Baltic States — Focused on Lee Moon-yeol's "Lithuanian Woman" and Hailji's "The Republic of UZUPIS"», представленном на XVI конференции Научной ассоциации Central and Eastern European Society of Koreanology (CEE-SOK) Conference «The comparative approach and prospects on education of local and Korean culture (and literature) in Central and East Europe» (Латвийский университет, 2017).

«Персикового источника», этот идеал не просто недостижим, скорее, он оказывается несуществующим: исчезнувшим (как в произведении «Песни Западного края») или ложным, придуманным героями (как в произведениях «Глубокая сияющая ночь» или «Республика Ужупис»).

Если в прозаических текстах, где можно усмотреть связь с произведением «Персиковый источник», развивается преимущественно тема утраченного идеала, в поэзии можно найти пример более позитивного (и тем самым более традиционного) контекста обращения к произведению Тао Юаньмина. Это стихотворение Чон Хёнчжона (정현종, род. 1939) «Душа — семядоля» (*Мамымын ттоннип, 마음은 떡잎*).

*Тот мальчик
Не сказал весь день ни слова.
На Персиковый ездили источник
Смотреть на волны персиков в цвету,
И мальчик тот, племянник друга из деревни,
О чем бы ни спросил сеулец-дядя,
Ни слова
Не сказал ему в ответ.
Да, это так, конец двадцатого столетья,
И в свете твоего молчанья
Слова — неврозы крупных городов,
Слова — цивилизации болезнь.
<...>⁵*

(Пер. А. А. Гурьевой)

Обратим внимание на языковую сторону. Обозначение Персикового источника здесь несколько видоизменено. Автор употребил не классический вариант обозначения: 桃花源 (*тоххавон*) или 武陵桃源 (*Мурын товон*), т. е. «Персиковый источник в Улине», а 桃灘 (*Тотхан*), букв. «Персиковая отмель» — такое название носит место неподалеку от города Намвона, т. е. рядом с горами Чирисан, где еще в эпоху Корё Ли Илло искал идеальное место. Известно, что в XVI в. будущий герой Имчжинской войны (1592–1598) Пён Сачжон (변사정, 1529–1596) посадил здесь персиковые деревья и взял псевдоним «Персиковая отмель» [8]. Здесь можно усмотреть попытку «локализовать» прославленное идеальное место.

Интересно также, что иероглифическое название *Тотхан* (桃灘) отчасти дублируется в тексте стихотворения посредством слов корейского происхождения (*поксаккот мулькель, 복사꽃 물결*, букв. «волны цветов персика») — это прием, который встречается в традиционной корейской поэзии в жанре *каса*. Попробуем проследить, есть ли в этом случае связь с «оригинальным» Персиковым источником Тао Юаньмина.

Стихотворение строится на противопоставлении городского и сельского пространств, к тому же оно написано поэтом, в творчестве которого в последние

⁵ Оригинал произведения взят из [9, с. 38–39].

годы критики усматривают приверженность экологической тематике. Персиковый источник не только выступает здесь символом идеального пространства, но и открывает группу «даосских» элементов в тексте. Тема «Персикового источника», связанного с именем поэта-отшельника Тао Юаньмина, поддержана даосской идеей предпочтительности отсутствия слов, а также введением в текст традиционной для даосской мысли «безоппорной опоры»⁶, которая в стихотворении выражена строкой: «*То твое отсутствие словес — надежно*». Можно предположить, что эта группа элементов служит иносказательному призыву «Возвратиться к садам и полям» по примеру Тао Юаньмина, автора одноименного стихотворения (歸園田居). Примечательно совпадение ряда элементов стихотворения Чон Хёнчжона с краткострочным стихотворением *сичжо* неизвестного автора (XVIII–XIX вв.):

*Эй, пастушок, сидишь ты боком на бычке,
А он ступает по траве высокой.
Ответь, что знаешь ты об этом мире,
О том, что плохо в нем и хорошо?
А мальчик тот на дудочке играет
И только улыбается в ответ*
(Пер. А. А. Гурьевой) [3, с. 72].

В основу текста *сичжо* ложится противопоставление двух типов мировоззрений: вовлеченности в жизнь социума (что хорошо и что плохо в мире) и удаленности от мира (нежелание участвовать в обсуждении мирских дел). Суетная попытка представителя первого типа установить диалог с мальчиком — представителем второго типа неуспешна. Отсутствие слов и игра на дудочке позволяют усмотреть в образе мальчика черты даосского персонажа, а общность двух текстов — продолжить ряд даосских элементов в стихотворении Чон Хёнчжона [10].

2. ПУТЕШЕСТВИЕ ВО СНЕ

Отдельно коснемся темы путешествия во сне *монюрок* и ее развития в современной южнокорейской литературе⁷. Вслед за китайской литературой в корейских текстах путешествие во сне служит развитию сюжетов об осознании главным героем правильности выбранного пути в результате переживания во сне той жизни, к которой он было начал стремиться в период сомнений. Наиболее ранним воплощением этого сюжета в корейской литературе считается помещенная в историческое сочинение «Самгук юса» (1281) история о монахе Чосине [2, с. 180–181]. Впоследствии к сюжетной модели *монюрок* обращаются

⁶ Имеется в виду идея того, что надежной опорой может служить объект, который сам не имеет опоры (например, облако).

⁷ Проблемой сна в корейской традиционной литературе занимались также западные ученые, например Марион Эггерт [11].

ведущие литераторы эпохи Чосон: Ким Сисып (김시습, 1435–1493), Лим Чже (임제, 1549–1587). Ким Сисып преимущественно реализует классический вариант сюжета в буддийском контексте, передавая мысль о тщетности стремления к земным благам. Лим Чже использует эту модель, чтобы привести читателя к мысли о необходимости избегать государственной службы — источника несчастий. Его герои во сне встречаются с жертвами убеждений, соответствующих основным конфуцианским отношениям [2, с. 145]. Таким образом, выводы о правильности того или иного пути в этом случае приходят не обязательно героям, но уже читателям, знакомящимся с произведением.

В XVII в. в корейской литературе появляется тип произведений «романы-сны». Знаменитый «Облачный сон девяти»⁸ (*Ku un mon*, 九雲夢) Ким Манчжун (김만중, 1637–1692) задает образец, позднее по его мотивам неизвестным автором создается роман «Сон в нефритовом павильоне» (*Оннумон*, 玉樓夢). Если в произведениях Ким Сисыпа или Лим Чже сон служит соприкосновению персонажей с невидимым миром, что является поворотной точкой в их мировосприятии, то в романах во сне герой проживает целую жизнь (как и монах Чосин в архетипическом для корейской литературы сюжете).

В основе «путешествий во сне» находится оппозиция «сон-явь», в которой сон служит осознанию главным героем той или иной истины, как правило, выбору правильного пути. Однако, как доказывает А. Ф. Троцевич, в буддийском контексте оппозиции «снимаются» композиционными особенностями произведения, поскольку буддизм стремится к снятию противоречий [12]. Отметим также, что сама модель «сон-явь» в корейской литературе также восходит к древним китайским сюжетам и включает еще более широкий диапазон произведений. Например, на оппозиции «сон-явь» строится произведение неизвестного автора «Весенний сон» (*Чхунмён-гок*, 춘면곡), в которой содержатся явные аллюзии на притчу о китайском мыслителе Чжуан-цзы 莊子 (369?–286 до н. э.), которому приснилось, что он бабочка [13].

В литературе XX в. можно обнаружить немало примеров использования сюжетной модели путешествия во сне или мотива сна. Примечательно, что одним из первых обращений стало произведение, в основу которого легла история о монахе Чосине — наиболее ранний в корейской литературе пример сюжета о прожитой во сне жизни. Роман, который так и называется «Сон» (*Ккум*, 꿈), стал последним произведением известного писателя начала XX в., представителя просветительского движения Ли Гвансу (이광수, 1892–1950). А. Ф. Троцевич, переводчик романа «Сон» (а также «Сон в заоблачных высях»), производит сравнение его сюжета с историей из «Самгук юса». Повествование в романе более подробно и более эмоционально. Исследовательница предполагает, что это произведение стало ответом Ли Гвансу тем, кто осуждал писателя за сотрудничество с японцами. «Соотечественники ожидали покаяния, а он ответил старинной буд-

⁸ Другой вариант перевода, также предложенный переводчицей романа А. Ф. Троцевич, — «Сон в заоблачных высях».

дийской притчей о “заблудшем монахе”: слава и падение — не более чем краткое мгновение сна» [14, с. 19].

Это не единственное произведение на тему сна, основанное на образце из традиционной литературы. В двух примерах из южнокорейской литературы на источник сюжета указывает само название. Роман Чхве Инхуна (최인훈, 1936–2018), одноименный первому роману-сну в корейской литературе — «Ку ун мон», сюжетно различается с ним, но строится на размытых гранях между сном и явью⁹. В названии повести Чхве Инхо «Изображение путешествия во сне к Персиковому источнику» (*Моню товондо*, 夢遊桃源圖) соединились обе сюжетные линии: сон и Персиковый источник, однако произведение основывается на еще одной истории из «Самгук юса» — повествовании о Томи и его верной супруге. Поскольку в фокусе статьи находятся прежде всего трансформации традиционных сюжетов, не будем останавливаться на этих двух примерах подробно.

В некоторых произведениях актуализируется сам мотив «жизнь-сон». Исследовательница женского направления в южнокорейской прозе Ли Сан Юн выявляет традиционный слой произведения Пак Вансо «Сон марионетки» (*Ккокту-гаксий ккум*, 꼭두각시의 꿈), в котором в главный мужской персонаж осознает свою слабость и зависимость и решает начать другую жизнь. Переворот в его сознании подобен пробуждению от сна и дан в соответствующих определениях (слово «сон» вынесено в название произведения). Ли Сан Юн пишет: «Мотив жизни-сна, популярный в традиционной литературе, связан с буддизмом, идеей поиска пути к внутренней гармонии. В данном рассказе главный герой пробуждается от “сна” в ином качестве: он приобретает реальный жизненный опыт и понял, что прежний его путь был ложным, поэтому и определяет для себя другую дорогу сам» [16, с. 27].

Характерным примером осовременивания именно сюжетной основы «путешествия во сне» служит рассказ «Поездка в Мучжин. Путевые записи» (*Мучжин кихэн*, 무진기행) одного из крупнейших южнокорейских прозаиков — Ким Сынока (김승옥, род. в 1941). А. Ф. Троцевич исследует это произведение как образец того, как «вписывается западный экзистенциализм в корейский культурный пейзаж» [17, с. 60]. Это исследование можно назвать первым опытом постановки вопроса о связи традиционной и современной корейской прозы. Ниже изложим основные выводы Троцевич и разовьем их.

Главный герой успешен благодаря удачной женитьбе, но роль зятя влиятельного человека давит на него. Для психологического восстановления он едет в родной городок, где происходит встреча с женщиной, вернувшая его к изначальным искренним жизненным установкам, возродив подлинные чувства. Однако намерение героя связать жизнь с этой женщиной обрывается телеграммой, вызывающей его в Сеул, куда он уезжает, даже не объяснившись. Обращая внимание на

⁹ Сопоставление этого произведения с романом Ким Манчжуна производится, например, в [15].

различные символические элементы в тексте¹⁰, А. Ф. Троцевич показывает, что в соответствии с классическим романом-сном в произведении «даны два пространства — истинной реальности и мира заблуждений» [17, с. 62], однако мимолетными в рассказе оказываются именно истинные ценности, «с реальностью же связан суетный мир страстей». Внезапность «пробуждения» приходом телеграммы — еще один буддийский элемент. Однако традиционные представления скорректированы современным прагматическим миром [17, с. 63].

Таким образом, здесь можно говорить о «перевернутой» модели сюжета «путешествие во сне»: в каком-то смысле герой живет во сне, пробуждаясь к настоящей жизни только во время путешествия. Однако эта подлинность жизни одновременно оказывается иллюзорной и недоступной для главного героя, омраченного искаженными ценностями мира. Возможно, это тоже своего рода снятие оппозиций. Примечательно, что автор указывает на слабость центрального персонажа еще на первых страницах произведения, когда герой вспоминает, как скрывался от призыва во время Корейской войны: долгое время он провел в «задней комнате», куда его поместила мать. Обратим внимание на символику: в странах китайской ойкумены замкнутое пространство — пространство *инь*, то есть оно связано с женщиной. Вспомним устойчивое поэтическое выражение *токсук конбан* (獨宿空房, «пустая комната, в которой я сплю в одиночестве») — символ женской тоски в разлуке с милым, часто встречающееся в корейской традиционной поэзии. Здесь такое место становится пространством героя. Можно вспомнить минимум два других примера из литературы XX в., где ассоциация героя с таким пространством указывает на его несостоятельность (иногда и в прямом смысле физиологическую): рассказ Ли Сана (이상, 1910–1937) «Крылья» (*Нальгэ, 날개*) и рассказ Хван Сунвона (황순원, 1915–2000) «Трактровка чисел» (*Сутчанхури, 숫자풀이*). Неслучайно в рассказе Ким Сынока также герой признается, что, прячась в комнате, он занимался рукоблудием, словно активизируя мужское начало в себе. Тем самым, герой изначально обладал зависимой природой, и его стремления молодости были иллюзией.

Рассказ нашел мощный отклик среди читателей. В 1967 г. он был экранизирован. Оба произведения (литературное и кинематографическое) были положительно восприняты аудиторией и оказали влияние на развитие художественной традиции. Исследовательница современной корейской прозы И. В. Цой пишет, что они «были не случайностью, а неизбежным результатом экспериментирования, которое вылилось в рождение новой культурной волны» [18, с. 633].

¹⁰ Важную роль в произведенном исследовательницей анализе играет название городка — Мучжин, что значит «туманная переправа». Туман — один из ключевых знаков омрачения. Отметим, что именно словом «Туман» называет свою экранизацию режиссер Ким Суён (김수영, 1929–2023), поставивший фильм по произведению Ким Сынока. С нашей точки зрения, «говорящим» является и второй элемент названия: переправа. В литературной традиции любая водная переправа являлась символом любовного соединения, и эта символика неоднократно поддерживается в тексте. Признание героев происходит на мосту, а их свидание — на волнорезах.

Место, которое стало фоном для истории — Сунчхонский залив, — и в наши дни рекламируется в связи с рассказом, причем с акцентом на особые заложенные в него жизненные смыслы: «Приезжайте и обретите смысл рассказа “Поездка в Мучжин. Путевые заметки”». В 1990-х гг. рядом с железнодорожной станцией Синчхон-ёк существовало кафе под названием «Мучжин кихэн», где собирались представители неформальной культурной среды. Кафе было лишено особого антуража, и в этой непритязательности, простоте люди искусства находили атмосферу, располагавшую к искреннему общению¹¹. Возможно, название кафе апеллировало к идее ценности того настоящего, ненаносного, которое некогда прорыскалось в главном герое во время посещения Мучжина.

Еще один пример специфической трансформации рассматриваемой сюжетной модели — произведение Чхве Инхо «Дыра» (*Кумон*, 구멍, 1999). Насколько нам известно, это произведение прежде не вводилось в научный оборот, в связи с чем представим его содержание более подробно.

В начале произведения читатель видит главного героя — врача-хирурга средних лет, у которого многое в жизни находится в неблагоприятном состоянии: развод с женой, начинающийся в результате злоупотребления алкоголем тремор рук — угроза карьере. Неслучайно его утро начинается в странной молодежной компании, упрекающей его за агрессивное поведение во время попойки накануне. Днем герой получает послание из прошлого — записанный на кассету рассказ девушки, с которой он когда-то встречался и которая внезапно ушла от него. Слушая запись, он понимает, что девушка (бывшая пациентка, намного моложе него самого) искала в нем опору и тепло настоящих отношений, которые он, ослепленный страстью, подменил агрессивной физиологией. Герой отправляется на поиски девушки, адреса которой никогда не знал. Ее имя и диагноз слишком распространенные, чтобы в базе пациентов можно было найти точные данные. Обходя разных ее однофамилиц, он сталкивается с разными судьбами, преимущественно трагическими. Параллельно он дослушивает кассету до конца, слышит, что девушка придет к нему домой, спешит туда и, будучи за рулем в состоянии алкогольного опьянения, случайно сбивает ее насмерть. Не в силах пережить это, он кончает с собой.

Автор применяет прием «временного несовпадения», когда какое-то событие происходит после того, как в повествовании встречаются следствия произошедшего. Этот прием автор уже использовал в своем репрезентативном рассказе «Чужая комната», в финале которого жена пишет мужу записку, которую он уже прочел в самом начале рассказа. Однако в романе это не просто инструмент создания ощущения ирреальности, необычной атмосферы или передачи состояния главного героя. Врач постоянно испытывает флешбэки, вспоминая события предыдущего дня, как будто он уже был в этих местах, хотя побывал в них впервые,

¹¹ Кафе еще существовало в 2000 г., но вскоре в результате развития территории старые здания, прилегающие к станции, были снесены. Судьба кафе (возможность перемещения в другую локацию) нам неизвестна.

в поисках девушки, например в первый раз оказывается в клубе, где знакомится с людьми, рядом с которыми на первых страницах произведения он проснулся после вчерашней вечеринки. Но главное временное несовпадение заключается в том, что новость о человеке, бросившемся в автомобиле в реку Ханган, которую он слышал утром в начале повествования, оказывается новостью о нем самом. Роман заканчивается монологом героя о том, что он понял: эти поиски были сном, сном уже умершего человека [19].

Здесь можно усмотреть следующую идею. Путешествуя по городу в поисках девушки — уже во сне после смерти, герой осознает свое состояние: алкоголь и страсть повлекли за собой распад в отношениях с самыми близкими людьми, деградацию в профессиональной сфере. Но осознание приходит тогда, когда уже ничего нельзя изменить, то есть после гибели героя, ставшей результатом его духовной гибели.

Это еще один вариант трансформации модели «путешествия во сне». Произведение также имеет рамочную композицию, но это не выражено очевидно вплоть до финальных страниц. Герой находится в омрачении, как и герои традиционных произведений, но после «просветления» — в данном случае — осознания своего состояния — он уже не может проснуться и встать на верный путь. Судьба героя трагична, но, представляя ее такой, автор думает о читателях.

Пониманию видения автором своего героя и того, что с ним произошло, служит, в частности, символика названия. Режиссер одноименной кинокартины Ким Гукхён (김국형, род. 1964), который тесно общался с автором романа в процессе работы над фильмом и тем самым имел возможность обсудить с ним скрытые смыслы, прокомментировал его так. Это черная дыра, которая затягивает героя. Неслучайно Чхве Инхо утвердил англоязычный вариант названия именно как «Black Hole». Кроме того, в названии подразумевается также женское лоно, в которое психологически оказывается затянут герой, построивший отношения с героиней на страсти¹².

Неслучайно отдельные критики предлагают выбрать «дыру» кодом доступа к прочтению произведений Чхве Инхо. Дыра понимается в традиционном ракурсе взаимодействия оппозиций как «инструмент, который объясняет истину путем парадокса и который доступен лишь писательскому взору» (역설적으로 진실의 가치를 설명하는, 작지만 필요불가결한 중층의 소도구) [20].

Обратим особое внимание на то, что критик Хван Догён (황도경) акцентирует конечную роль этой дыры (к тому же он называет ее каналом встречи с врагом рода человеческого) как «доказательства, научающего свету вне дыры» (구명 밖의 밝음을 가르치는 증거). С его точки зрения, такой способ прочтения произведений Чхве Инхо служит точкой начала осознания читателем самого себя («자기존재의 시발점»이라는 독법 (讀法)) [20]. Тем самым, сталкиваясь с дырой

¹² Благодарю кинорежиссера, профессора Сеульского института искусств Ким Гукхёна (김국형) за любезно предоставленный комментарий и рассказ о процессе работы над созданием фильма.

и видя последствия ее воздействия, читатель призван обратиться к пространству света вне этой дыры.

Здесь возможны христианские коннотации. Известно, что Чхве Инхо активно обратился к вере как прихожанин католической церкви. При этом прием обращения к теме низкого в человеке и самого недостойного в его природе с целью отвратить читателя от неприглядного поведения и его результатов является также вполне традиционным. Характерный пример — сюжетные истории *пхэсоль*, особенно периода XV–XVI вв. [2, с. 116]. Использование такого приема можно обнаружить в творчестве первого мастера короткого рассказа Ким Донина (김동인, 1900–1951), а также в кинотворчестве режиссера Ким Гидока, известного в России как Ким Кидук (김기덕, 1960–2020).

* * *

Подводя итоги рассмотрения темы использования двух традиционных сюжетов в современной литературе, можно обратить внимание как на формальную сторону, так и на содержательную. С формальной точки зрения можно говорить о типах обращения к этим сюжетам современными авторами: прямая аллюзия (название, лексическое обозначение, тот же образ, хоть и обозначенный иначе лексически), введение в текст мотива, связанного с этими сюжетами (например, жизнь-сон), а также построение произведения на соответствующей сюжетной модели (тщетный поиск идеального пространства, переживание опыта, приводящего к осознанию своих заблуждений, который фигурально изображается как пребывание во сне). Характер современных проблем, интересующих авторов XX и XXI вв., вносит существенные коррективы в традиционное развитие сюжетов. Тщетность поиска идеала, как правило, осознается в связи с осознанием ложности, ошибочности самого идеала, а не его труднодоступности, как в традиционной литературе. Буддийская мысль об иллюзорности суетных стремлений в традиционных романах-снах в современных произведениях может изменяться по-разному. Иллюзорным может оказаться желание жить искренне и не зависеть от социальных ожиданий. Выбор ошибочного в противопоставление истинному может вести к трагическим событиям, даже к смерти. Можно вспомнить о произведениях Лим Чже, который также использовал сон как возможность задуматься о судьбе людей, погибших за свои убеждения. Однако в современных текстах оппозиция подлинного и ложного необязательно связана с выбором именно жизненного пути, за которым стоит некая идея или мировоззрение. Герои просто живут, как живется, их выбор пути — жизненная прагматика или как раз отсутствие поиска пути. Осмысленность этому придает автор, обращаясь таким образом к читателям.

Актуализации поставленных вопросов служат как узнаваемость ситуаций и типажей, так и антураж, работающий на то, чтобы оттенить эти проблемы, также знакомый по другим современным произведениям. Образы суеты и бездушия большого города, изображение атмосферы разобщенности людей, непонятости

и одиночества среди толпы окружающих привычны для современной мировой литературы. Культурно обусловленная сюжетная основа придает произведениям тот эмоциональный колорит, который делает произведение самобытным, но и не превращает в недоступное пониманию представителю иной культурной среды.

Отметим еще один момент. Исследователь традиционной литературы А. Ф. Троцевич, которая подняла вопрос о культурной основе современной южнокорейской прозы, подходит к нему с точки зрения западного влияния на корейскую литературу. Так и называется, например, ее новаторский доклад: «Несколько слов о западном влиянии в современной корейской прозе» [17]. В данной статье мы переставляем акценты, ставя задачей продемонстрировать наличие традиционной основы в современных текстах, которые не воспринимаются современным читателем в связи с литературной традицией. Действительно, произведения корейской современной литературы позиционируются в самой Корее как связанные с тем или иным философским/литературным течением, которое зародилось на Западе и стало известно корейцам в начале XX в. в ходе знакомства с западной культурой. Однако, что немаловажно, в южнокорейской литературе эти течения уже воспринимаются как часть корейской современной культуры. Соответственно, эти произведения представляют собой образцы [корейского] экзистенциализма/модернизма/постмодернизма и т. д., и таким же образом исследуются и за пределами Кореи. В связи с этим им нередко отказано в связи с корейской традиционной литературой, которая понимается как совершенно иной, пройденный этап.

С учетом сказанного выше, обращаясь к теме традиционных сюжетов в современной литературе, мы стремимся выявить глубинный слой, что служит объяснению специфики произведения, подчас самой его сути. Этот слой, восходя к литературной традиции, может быть частью общего мировоззрения и тем самым восприниматься корейским читателем органично и естественно, пусть и без обязательных ассоциаций с конкретными литературными произведениями. Это следует подчеркнуть: для понимания глубины произведения образованный корейский читатель может обойтись без воспроизведения в памяти тех или иных образцов родной литературы, в которых встречались использованные современным автором традиционные элементы — это органичная часть мировосприятия. Общий культурный фон помогает целостному восприятию произведения. При этом именно этой целостности может не хватать читателю, не являющемуся носителем корейской культуры, и расшифровка «глубинного» в произведении, послойное выявление особенностей текста служат именно попыткой восстановить картину мира, которая легла в основу произведения. Безусловно, эта картина мира всегда индивидуализирована, но не равняется авторскому замыслу, хотя в существенной степени объясняет его специфику.

Литература

1. *Guryeva A. A.* General Trends of Traditional Elements Usage in Contemporary South Korean Poetry // Проблемы литератур Дальнего Востока. Т. 2: мат-лы VIII междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, 24–28 августа 2018 г. СПб.: НП-Принт, 2018. 164–172.
2. *Троцевич А. Ф.* История корейской традиционной литературы (до XX в.). СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2004.
3. Песни Великого спокойствия при южном ветре / пер. с кор. А. А. Гурьевой. СПб.: Гиперион, 2019.
4. *Guryeva A. A.* Two Famous Stories Represented in Verse (Ch'unhyang and Sukhyang in Poetical Antologoes of Late Choson) // St. Petersburg Annual of Asian and African Studies. Vol. 2. СПб., 2013. P. 71–76.
5. *Ли Сан Юн.* Рассказ в творчестве современных писательниц Республики Корея (Пак Вансо, Син Кёнсук и Ён Хигён): дис. ... канд. филол. наук. М., 2007.
6. *Никитина М. И.* Древняя корейская поэзия в связи с ритуалом и мифом. М.: Наука, 1982.
7. 우주피스 공화국은 가도 가도 닿을 수 없고 // 부산일보. [Республика Ужупис — идешь, идешь, а коснуться не можешь // Пусан ильбо.] URL: <https://mobile.busan.com/view/busan/view.php?code=20090424000181> (дата обращения: 17.08.2022). (На кор. яз.)
8. 도탄정사 // 지리산 아흔아홉골. [Официальная история Тотхана // Девяносто девять ущелий Чирисана.] URL: http://jiri99.com/bbs/board.php?bo_table=jiri31&wr_id=299 (дата обращения: 21.07.2022). (На кор. яз.)
9. 정현중. 갈증이며 생물인. 서울. 문학과 지성사. 1999. [Чон Хёнчжон. Жажда и источник. Сеул: Мунхаква чисонса. 1999.] (На кор. яз.)
10. *Гурьева А. А.* Антология традиционной корейской поэзии «Намхун тхэпхён-га (Песни Великого спокойствия при южном ветре)» (по ксилографу из коллекции Института Восточных Рукописей РАН): дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2012.
11. *Eggert M.* Traditional Korean Ideas on Dreams // A Collection of Theses on Korean Studies. Seoul: Korea Foundation, 1995. P. 191–214.
12. *Троцевич А. Ф.* Корейский средневековый роман. М.: Наука, 1986.
13. *Гурьева А. А.* О некоторых особенностях корейской любовной поэзии на родном языке второй половины эпохи Чосон (на примере поэм-каса «Тоска в разлуке» и «Весенний сон») // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия 9. Вып. 4. С. 214–224.
14. Сон. Буддийская проза Кореи / пер. с кит. и кор. А. Ф. Троцевич. СПб.: Гиперион, 2022. (Серия «Корейская традиционная литература. Собрание бестселлеров»).
15. 임금희. 최인훈의 소설 <구운몽> 연구 // 새국어교육. 한국국어교육학회. 2005. 371–398 쪽. [Им Гымхи. Исследование романа «Ку ун мон» Чхве Инхуна // Сэ кудо кёюк. 2005. С. 371–398.] (На кор. яз.)
16. *Ли Сан Юн.* Творчество Пак Вансо. Рассказ «Сон марионетки» (1977) // Вестник Центра Корейского языка и культуры. Вып. 7. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2004. С. 21–29.
17. *Троцевич А. Ф.* Несколько слов о западном влиянии в современной корейской прозе (Ким Сынок. Рассказ «Поездка в Мучжин. Путевые записи». 1964 г.) // «100 лет петербургскому корееведению»: мат-лы междунар. конф., посвященной столетию корееведения в С.-Петербургском университете. 14–16 октября 1997 г. СПб., 1997. С. 60–64.
18. *Цой И. В.* Рассказ Ким Сынока «Поездка в Мучжин. Путевые записи» и экранизация Ким Суёна «Туман» // Проблемы литератур Дальнего Востока: избр. мат-лы IX

- междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, 28–30 января 2021 г. СПб.: Изд-во С.-Петербур.
ун-та., 2021. С. 622–635.
19. 최인호. 구명. 열림원. 1999. [Чхве Инхо. Дыра. Сеул: Ёлливон, 1999.] (На кор. яз.)
 20. ‘구명’이란 코드로 본 최인호 // 서울신문. [Читая Чхве Инхо посредством кода, называемого «дыра» // Соул синмун.] URL: <https://www.seoul.co.kr/news/newsView.php?id=20040909026004> (дата обращения 08.08.2022). (На кор. яз.)

References

1. Guryeva A. A. General Trends of Traditional Elements Usage in Contemporary South Korean Poetry. *Issues of Far Eastern Literatures Vol. 2: selected papers of the 8th International scientific conference, St. Petersburg, August 24–28, 2018*. St. Petersburg, NP-Print, 2018. P. 164–172.
2. Trotsevich A. F. *History of Korean Traditional Literature (before 20th century)*. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 2004. (In Russian)
3. *Songs of the Great Peace at South Wind*. Transl. from Korean by A. A. Guryeva. St. Petersburg, Giperion Publ., 2019. (In Russian)
4. Guryeva A. A. Two Famous Stories Represented in Verse (Ch’unhyang and Sukhyang in Poetical Antologoes of Late Choson). *St. Petersburg Annual of Asian and Africal Studies*. Vol. 2. St. Petersburg, 2013. P. 71–76.
5. Li San Yun. *Short Story in Works by Contemporary Female Writers of the Republic of Korea (Pak Wanseo, Sin Kyoung-suk and Eun Hui-gyeong)*: PhD thesis. Moscow, 2007. (In Russian)
6. Nikitina M. I. *Ancient Korean Poetry in Relation with Ritual and Myth*. Moscow, Nauka Publ., 1982. (In Russian)
7. The Republic of Uzupis — the more you go, you can’t reach it. *Pusan ilbo*. URL: <https://mobile.busan.com/view/busan/view.php?code=20090424000181> (accessed: 17.08.2022). (In Korean)
8. Official history of Dotan. *Ninety-nine gorges of Jirisan*. URL: http://jiri99.com/bbs/board.php?bo_table=jiri31&wr_id=299 (accessed: 21.07.2022). (In Korean)
9. Jeong Hyeon-jong. *Thirst and Brook*. Seoul, Munhakkwa jiseongsa, 1999. (In Korean)
10. Guryeva A. A. *Anthology of Traditional Korean Poetry “Namhun taepyeong-ga (Songs of the Great Peace at South Wind)” (basing on the block-print from the Institute of Oriental Manuscripts, RAS)*: PhD thesis. St. Petersburg, 2012. (In Russian)
11. Eggert M. Traditional Korean Ideas on Dreams. *A Collection of Theses on Korean Studies*. Seoul, Korea Foundation, 1995. P. 191–214.
12. Trotsevich A. F. *Korean Medieval Novel*. Moscow, Nauka Publ., 1986. (In Russian)
13. Guryeva A. A. On Some Features of Korean Love Poetry in Vernacular of Joseon Period (basing on the kasa-poems “Longing in Separation” and “Spring Sleep”). *Vestnik of Saint-Petersburg University. Series 9*. Iss. 4. P. 214–224. (In Russian)
14. *Dream. Buddhist prose of Korea*. Transl. from Classical Chinese and Korean by A. F. Trotsevich. St. Petersburg, Giperion Publ., 2022. (Series “Korean Traditional Literature. Collection of Bestsellers”). (In Russian)
15. Im Geum-hee. Study on Choe Inhun’s Novel “Ku Un Mong”. *Sae Kugeo kyoyuk*. Seoul, Hanguk kugeo kyoyuk hakhwe, 2005. P. 371–398. (In Korean)
16. Li San Yun. Pak Wanseo’s Works. The Short Story “Dream of the Marionette” (1977). *Proceedings of the Center of Korean Language and Culture. Issue 7*. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 2004. P. 21–29. (In Russian)

17. Trotsevich A. F. Some Words on the Western Influence on Contemporary Korean Prose (Kim Seung-ok “Mujin kihaeng”. 1964). “100 years of the Korean Studies at St. Petersburg University”: *proceedings of the International conference. October 14–16, 1997*. St. Petersburg, 1997. P.60–64. (In Russian)
18. Tsoy Inna. Kim Seung-ok’s Story *A Journey to Mujin* and Kim SooYong’s Film Adaptation *Mist*. *Issues of Far Eastern Literatures: selected papers of the 9th International scientific conference, St. Petersburg. January 28–30, 2021*. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 2021. P.622–635. (In Russian)
19. Choe Inho. *Black hole*. Seoul, Yeollimwon. 1999. (In Korean)
20. Reading Choe In-ho by the “Hole” code. *Seoul Newspaper*. URL: <https://www.seoul.co.kr/news/newsView.php?id=20040909026004> (accessed: 08.08.2022). (In Korean)